

РУССКИЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

Алекс Орлов

Территория дракона

Алекс Орлов

ТЕРРИТОРИЯ ДРАКОНА

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-66

Разработка серии *Е. Савченко*

Серия основана в 2005 году

Иллюстрация на переплете художника *В. Нартова*

Орлов, Алекс.

О-66 Территория дракона / Алекс Орлов. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 416 с. — (Русский фантастический боевик).

ISBN 978-5-699-95214-4

Таланты и инициативность Томаса Брейна смешивают планы высокого начальства. В результате — далекая ссылка, небольшая полицейская должность и невыполнимое задание нового руководства, пожелавшего преподать новичку урок.

Но энтузиазм и активность Брейна на новом месте нарушают политический баланс между мафией и прикормленной полицией. За ним начинается слежка, он заводит отношения со сногшибательной красавицей, на него готовят покушение, однако герою грозит кое-что пострашнее.

Что же может спасти в такой ситуации? Только опыт, крепкий кулак и стрельба навскидку.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95214-4

© Орлов А., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э»,
2017

Местечко называлось Янгус и располагалось на вершине заросшего молодым лесом холма.

Прежде здесь было какое-то медицинское подразделение, но затем его расформировали, а в освободившихся зданиях организовали нечто вроде пересыльного пункта, куда Брейна и доставили.

Условия были неплохие: чистая комната на четверых, койка без одеяла и подушки — как тут и принято, трое соседей, туалет и душ в коридоре.

Соседи — два канзаса и гоберли — оказались немногословны. Они лишь кивнули при первом знакомстве с Брейнм и этим ограничились. Впрочем, и между собой они тоже не разговаривали — даже канзасы.

В этом не было ничего удивительного, поскольку из этого отстойника быстро набирали команды, которые отправлялись по назначению. Вот и Брейн уже через сутки после прибытия предложили начать прием специальных то ли лекарств, то ли восстановительных средств. При этом еды ему больше не давали и, пропустив пару приемов пищи, он уже был готов съесть сколь угодно плохой батончик, однако и этого не было.

Врач-суперколвер, который осматривал его едва ли не каждые восемь часов, сказал:

— Дружочек, вам нужно кушать агриколу и готовиться к переходу.

Брейн поначалу не придавал значения тому, что ему сказал медик, — в последнее время поступало слишком много новых и неожиданных вводных, часть из которых

впоследствии отменялась. Но тут волей-неволей ему пришлось сконцентрироваться на словах врача, поскольку он был переведен в группу, состоящую из полутора десятков обитателей жилого корпуса. Эту группу водили в медпункт, в то время как вновь прибывающие отправлялись кушать в столовую.

Пока новички набивали животы батончиками, Брейну и остальным из группы предлагали кушать белую, похожую на глину массу — и это вместо приема пищи.

На все вопросы ответ был один:

— Это необходимо для перехода.

При этом если другие хоть как-то с этой «белой глиной» справлялись, то Брейна после первого же приема едва не вырвало.

Впрочем, санитары, если можно было так назвать двух крепких канзасов, тотчас сделали ему болезненную инъекцию в плечо, после чего его мутило уже не так сильно и он сумел проглотить всю выданную порцию «глины».

Поначалу Брейн надеялся, что после этого им все же дадут еды, ведь лечение лечением, а обед должен быть по расписанию и теперь он не отказался бы от самых безвкусных «палок», которые раньше казались ему пластиковыми поделками. Однако в еде отказали.

— Дайте хотя бы попить! — требовал он, и его даже похвалили за настойчивость, как какого-нибудь бунтующего в дурдоме пациента.

— Вы хотите пить? — с улыбкой уточнил у него санитар.

— Да, я хочу этого долбаного мусса хотя бы! — настаивал Брейн. Вколотая накануне инъекция делала его бодрым и активным.

— Почему «хотя бы»? — уточнили санитары.

— Потому что я хочу воды!

На это санитары только посмеялись, решив, что пациент шутит. Однако его требование не осталось без ответа, и ему вынесли голубоватую маслянистую жидкость,

которую Брейн с готовностью выпил, однако она не принесла никакого облегчения, поскольку, как и агрикола, не имела ни вкуса, ни запаха.

Целые сутки ему пришлось принимать «белую глину» и запивать ее голубоватой жидкостью. Все это, конечно, притупляло голод, иногда даже подавляло совсем, но оставалось какое-то напряжение во всем теле, которое протестовало против такого обмана.

Тело понимало, что пожрать ему не дают и только имитируют чувство сытости.

После такой кормежки Брейн держался от общества в стороне и не был склонен к общению, однако общество между собой также не особенно контактировало — все глотали «белую глину», морщились, но глотали. А врач при каждой встрече продолжал говорить им:

— Молодцы, кушайте еще. Агрикола перед переходом вам очень нужна. Вы меня еще благодарить будете.

Поскольку остальные терпели — терпел и Брейн. И еще трое суток поглощал эту массу. Между тем количество потребителей агриколы росло и вскоре перед медпунктом стали выстраиваться целые очереди.

Едва его группа выходила из медпункта, туда тотчас заходила следующая. И так весь день, из чего следовало, что на перевалке действовало поточное производство.

Осознав это, Брейн перестал опасаться, что его тут отравят — такая мысль время от времени посещала его, сказывалась странная диета.

На четвертые сутки, когда он чувствовал, что начинает превращаться в подобие зомби, удалось наладить контакт с одним из участников его группы. Это был рослый суперколвер со шрамом на щеке, и это казалось странным, поскольку обычно со шрамами ходили только гоберли и канзасы. Почему-то они считали, что это выглядит как какие-то боевые награды.

Суперколверы же старались использовать пластическую хирургию для того, чтобы избавиться от каких бы то ни было следов полученных ими ранений. Однако этому

было все равно, и, на взгляд Брейна, он выглядел уже немолодым.

— Ну что, парень, давай поговорим? — предложил суперколвер сам, поймав на себе взгляд Брейна, когда они выходили после очередной процедуры.

Обоих немножко подташнивало.

— Давай поговорим, — согласился Брейн. — Все же мы знакомы уже достаточно долго по местным меркам.

Суперколвер сдержанно засмеялся, поддерживая живот, поскольку неизвестно было, какова будет реакция «белой глины».

— Ты правильно заметил, что долго здесь никто не задерживается — на то он и распределительный пункт. Нас сейчас расфасуют и разбросают на дальние дистанции.

— А эта белая дрянь — что это такое? — спросил Брейн.

— Ты первый раз? — слегка удивился суперколвер.

— Да, представь себе, никогда не жрал ничего хуже.

Суперколвер снова захихикал, все так же придерживая живот.

— Дело в том, парень, что нас будут перебрасывать на очень далекие расстояния, а для этого нужно совершать нефрагментированные прыжки, понимаешь?

— Нет, — ответил Брейн, он на самом деле плохо соображал.

— Ну, если мы останемся как есть с брюхом, набитым всяким прелестями, которыми нас кормят, нас может как максимум разорвать и как минимум будем блевать кровью, что закончится плохо. А те, кто после этого выживет, не будут годны ни к какой военной службе. Теперь понимаешь?

— Да, теперь понимаю, — кивнул Брейн.

— Ну вот, для того, чтобы нас сохранить и доставить быстро, нас фаршируют этой агриколой, а потом, как мороженое мясо, скачком отправят к месту. При этом даже транспорт, который будет нас доставлять, пилотируется автопилотом.

— Почему? — спросил Брейн.

— Потому, что таких перегрузок никакой пилот не выдержит, а если и выдержит, то не сможет пилотировать адекватно — ты уж мне поверь.

— Так ты пилот? — спросил Брейн.

— Да, я пилот, приятель. И пилотировал все подряд — толстозадые грузовики и перехватчики.

— Так ты, наверно, офицер?

— Майор.

— Майор, а как ты здесь оказался?

— А ты как здесь оказался?

— Ну, я вообще не гражданин Империи. Я хотел стать им и отправился на сложные задания. И вот теперь, как я понимаю, мне пошли навстречу и я буду служить, может быть, в строевых войсках.

— Ты дурачок, — сказал майор.

— Это почему я дурачок? — сыграл дурачка Брейн.

— Да, потому, что от тебя просто избавились.

— Ну хорошо, от меня и избавились, а ты майор и пилот. От тебя почему избавились?

— Я тоже стал неудобен. Задавал много вопросов, лез не в свои дела.

— А почему ты лез не в свои дела?

— Да потому, что служу давно и все уже порядком надоело. Хочется чего-то новенького, а ничего нового нету. Одна и та же дребедень — перехваты, стрельба. Вот я и полез не в свое дело, а начальство меня перебрало.

— И в который раз? — улыбнулся Брейн.

— Я вижу, ты уже разгадал меня.

— Да это несложно, майор. Стало быть, тебя будут перебрасывать уже не первый раз, и везде ты ни с кем не можешь ужиться?

— Представь себе — нигде я ни с кем не могу ужиться. В смысле с начальством. А они перебрасывают меня все дальше. И вот теперь меня совсем лишили авиации, снова отправили в активный резерв и теперь уже в Пехотный Комитет, а это хуже некуда. Буду доматывать

служебный возраст в какой-нибудь дыре в немислимом качестве.

— Правильно ли я понял тебя, майор, что нас, как какой-нибудь товар, утрамбуют поплотнее в транспорт и спящими отправят до места?

— Ты понял правильно. Как тебя зовут вообще?

— Я — Томас.

— Отлично, Томас. Прибавь еще воинское звание.

— Вроде бы сержант.

— Так вот, вроде бы сержант. Ты совершенно прав — я много где не уживался. Мне давали под зад три раза, и теперь я буду совершать следующий прыжок. Я прекрасно научился глотать эту, как ты называешь, белую глину, и мы накопили ее в себе уже достаточно, а значит, скоро нас перебросят туда, где, как я надеюсь, мне будет весело.

— Ну что же, я к этому готов, — сказал Брейн.

— К этому все готовы.

— Кстати, а как ваше имя, сэр? — спросил Брейн.

Суперколвер улыбнулся.

— Давно не слышал такого обращения? — спросил Брейн.

— Да, — кивнул собеседник.

— Стало быть, у вас давно уже нет майорских погон?

— О да — майорских погон давно нет. Ну да ладно, главное, что мы познакомились, ведь правда?

— Да, сэр. Честно говоря, я здесь немножко устал от такой молчаливой политики. Все молчат и жрут эту дрянь.

— Это означает только то, что все эти бойцы жрут агриколу не первый раз.

— Наверное, я единственный, кто делает это впервые.

— Получается, что так.

— Ну и скажите, сэр, когда же мы отправимся?

— Я думаю, повеселимся еще пару суток, и когда станем едва переставлять ноги, нас запихнут на эти полки.

— Полки, сэр? — переспросил Брейн.

— Да, именно так выглядят изнутри трюмы, в которых перевозят живой товар. Много высоких полок с ячейками — туда нас и будут трамбовать. Ты, когда тебе инъекцию сделают, засунь руки в карманы штанов поглубже.

— Зачем?

— Затем, что запихивать тебя в эти ячейки будет робот и ему по барабану, если у тебя будут торчать руки, ноги или другие какие-то конечности. Сломает и точка.

— Спасибо за совет, сэр.

После этого разговора, как и предполагал майор, Брейн еще двое суток плохо спал и был вынужден глотать «белую глину», чувствуя, что с каждой порцией его сознание затуманивается и он становится куском этой «белой глины».

Ничто его уже не интересовало, ничто не манило, ничто не имело для него никакого значения. Брейн превратился в полное ничто, которое можно было запихивать на высокие полки и везти очень-очень далеко.

День отправки он помнил плохо. Это было какое-то мигание света, какие-то команды здешнего распорядителя. Брейну было совершенно все равно, кто здесь командует и куда его гонят. И вот, наконец, грохот закрываемой створки — это единственный момент, который он запомнил, когда оказался в полнейшей темноте. Еще побаливало правое плечо, куда вонзилась молния инъекции, отбросившая его в жесткий сон.

И он с готовностью провалился в этот сон и проспал, как ему показалось, целый год. Может, так и было на самом деле, но когда он очнулся, чувствовал себя совершенно разбитым.

Болели руки, ноги, в голове стоял звон. Брейн не понимал, где находится, однако его стали энергично приводить в чувство, сделал для начала инъекцию какого-то мощного стимулятора.

От него у Брейна тотчас пробудились ощущения и некоторые воспоминания.

— Помнишь, кто ты, парень? — крикнул ему какой-то канзас и врезал ладонью по лицу.

Левая щека загорелась.

— Ты помнишь, кто ты, придурок? — снова прокричал канзас и опять отвесил пациенту пощечину. Похоже, у них тут был дефицит времени.

Брейн отрицательно покачал головой. Какие-то воспоминания были, но отчего-то ему казалось, что это не о нем.

Тут он увидел перед собой другого канзаса.

— Ну, узнаешь меня? — спросил тот и засмеялся.

— Нет, — сказал Брейн, и почему-то это еще более развеселило санитаря.

— Тогда поехали, приятель! — воскликнул канзас, и тут Брейн как будто взлетел и летал очень долго, а потом жестко приземлился на каталку. И когда она уже покатила, до него дошло, что это лишь платформа с колесиками и он никуда не летал.

Почему-то сейчас это казалось Брейну важным.

Коляска докатилась до какого-то предела, и его стряхнули в трубу, прокатившись по которой он свалился в бассейн с водозаменителем.

Помимо него в этом бассейне уже копошилось не менее полутора десятков других пациентов, с которыми он вместе летел в грузовике-этажерке и которые, как и он, претерпели те же ужасные переживания.

Глубина водозаменителя было метра полтора, и, распрямившись, Брейн нащупал ногами дно.

Кажется, в эту жидкость были добавлены какие-то медицинские препараты, Брейн ощутил, как все его тело начало покалывать холодными иголочками, и это бодрило: он чувствовал, как проясняется его сознание и улучшается зрение.

Да, теперь он видел намного отчетливее и осмысливал увиденное сразу, а не через какое-то время.

Брейн огляделся. Здесь было яркое освещение, а по краям бассейна стояли охранники или санитары — точнее определить он не мог.

Вокруг, словно бревна, плавали спасательные средства вроде больших поплавков с веревочными петлями, которые были необходимы тем, кто сильно ослаб и должен был за что-то держаться.

Вдруг на дальней стороне бассейна раздался крик, и сотрудники стали вытаскивать какого-то потерявшего сознание пациента.

Его вытащили на край, подбежали двое санитаров — гоберли и канзас, но едва склонившись над ним, они тотчас поднялись.

Еще двое подкатали коляску, забросили на нее тело и, выстрелив в него инъектором, куда-то укатали.

Наконец, после процедуры, которая хорошо отразилась на самочувствии Брейна, двое из наблюдавших за пациентами санитаров определили, что он уже в порядке, и помогли ему выбраться.

Он было хотел спросить, куда ему теперь идти, но его нагого посадили на каталку, и один из санитаров торопливо покатыл ее прочь.

Брейн уже был в состоянии соображать и вертел головой, разглядывая коридоры, по которым катил его санитар.

Было видно, что это строение помнило времена и получше, а теперь здесь все приходило в негодность — отслаивалась краска, отходили отделочные панели, на потолке проступали желтые пятна. Но везде было чисто.

После коридоров они оказались на воздухе, и дальнейший путь Брейна пролегал по бетонной дорожке.

Он продолжал смотреть по сторонам, пытаясь определить, где находится, но везде было одно и то же — одноэтажные постройки блочной конструкции, которые использовались во временных городках строителей или геологов. Городку было уже много лет, и повсюду были видны следы постепенного разрушения, которые тщательно ретушировались кем-то, кто присматривал за всем хозяйством.

Брейна довели до одного из корпусов, закатили внутрь, и вскоре он был доставлен в палату на четверых, где пока был первым.

— Ну что, парень, оклемался? — спросил его санитар, перед тем как оставить.

— О да, — ответил Брейн и даже улыбнулся.

— Ну, раз ты в порядке, прыгай на койку и пошуруй в тумбочках: там и одежда найдется, и белье, и ботинки универсальных размеров. А мне пора за следующим бежать. Ваших много повезли, а персонала — негусто.

— Эй, а сколько наших привезли-то? — уточнил Брейн, в котором уже проснулся разведчик.

— Двести пятьдесят штук.

— Так вы нас штуками меряете?

— Пока непонятно, сколько оклемаются, — меряем штуками, — пояснил санитар и вышел вон.

Брейн сел на кровать нагой и огляделся. Что и говорить — обстановка была спартанской. Возле каждой кровати на раскладном металлическом стульчике лежала одежда — кепи, какое-то бельишко и комбинезон. Под стулом стояли ботинки — универсального размера, а в них носки.

Брейн уже примерял здесь такую обувку. Ботинки годились на любой размер: с тридцать седьмого до сорок седьмого. Если кому-то не подходили и такие, можно было обратиться к каптерщику или кастеляну.

Брейну все подошло. Открыв тумбочку, он обнаружил еще несколько комплектов белья, носков, гигиенические наборы со средствами для чистки зубов.

Один из них он взял и вышел в коридор, догадываясь, что где-то здесь должны находиться душевые, умывальники и туалет.

Чувствовал он себя хорошо, но вдруг на него накатила какая-то слабость, как будто кто-то ударил под колени.

Ухватившись за стену, Брейн сполз по ней на пол и сказал себе:

— Держаться, Томас... Держаться...

Вскоре силы вернулись к нему, и Брейн решил, что это остаточные явления от перенесенного перелета. Он даже не представлял, сколько они там отмахали и сколько по времени находились в полете.

Еще его интересовало, куда подевался майор, с которым они познакомились. Возможно, они летели в одном грузовике-этажерке, а возможно, в разных, двигавшихся в противоположных направлениях.

Вскоре Брейн обнаружил умывальник. Здесь было три раковины, а в углу две площадки с душем. Он повернул рычажный кран, и там, как и ожидалось, оказался водозаменитель — разумеется, не подкрашенный, простой. Однако водозаменитель имелся холодный и горячий.

Ну как горячий — градусов сорок примерно. Не более.

Впрочем, душ Брейна сейчас мало интересовал — он только что вылез из бассейна. Поэтому он лишь почистил зубы, посмотрел в зеркало на свое изможденное лицо и, потрогав слегка отросшую щетину, прикинул, что провел в пути суток трое — не более. Если, конечно, обмен веществ в полете был не замедленный.

Вернувшись к себе, он обнаружил, что еще две койки в комнате заняты доходягами — двое прикрытых простынями гоберли едва дышали.

Их лоб и глаза были закрыты приспособлениями, которые считывали медицинские показатели и в случае необходимости воздействовали на какие-то активные точки.

Брейн не представлял, насколько это эффективно, но если уж использовалось, значит, был смысл.

Едва он опустился на свою кровать, как открылась дверь и уже знакомый ему санитар вкатил на каталке еще одного пациента.

Это был канзас, и он выглядел неплохо, как и сам Брейн.

— Ладно, парень, можешь быть свободен, — сказал канзас санитару и, самостоятельно поднявшись из кресла, опустился на свободную койку.